

Кучер потерял руки, зябко переступив с ноги на ногу, и некоторое время прождал у опущенной занавески экипажа. Изнутри не доносилось ни звука, лишь изредка слышался тихий, едва различимый шорох одежды. Решив, что господа заснули в дороге, он вежливо постучал по дереву косяка и снова окликнул пассажиров:

— Молодые господа, мы приехали. Посёлок Учжэнь.

На этот раз ему наконец ответили. Из глубины экипажа показался юноша в белых одеждах. Расплатившись с кучером, он ступил на землю, и лишь после этого наружу выбрался его спутник. Тот держался поодаль, словно намеренно избегал любого сближения, и за всё время не проронил ни слова.

Холодный лунный свет серебрил дорогу, провожая уезжающую повозку. Когда стук копыт затих, а силуэт экипажа растаял в темноте за углом, двое путников, оставшись наедине со звенящей тишиной пустой улицы, наконец нарушили молчание.

— Ты сердишься?

Сун Ваньчэнь, вопреки своему обычному высокомерию, заговорил мягко, почти заискивающе. Он осторожно потянул Цинь Шо за край рукава, увлекая за собой, и понизил голос:

— Мы так долго не виделись... К тому же ты всё время меня игнорируешь. Вот я и не сдержался...

Остаток фразы застрял у него в горле. Цинь Шо резко остановился и обернулся. Во взгляде его по-прежнему читалась глухая, невыплеснутая злость. Его лицо, безупречно красивое — если не считать старого шрама за ухом, — сейчас портила лишь одна деталь: припухшая, прокушенная губа с отчетливым следом чужих зубов. Вид этой раны только сильнее разжигал в Цинь Шо раздражение.

Злость клокотала в груди, но высказать её в лицо он не решался. Формально они были обручены, и в поцелуях между ними не было ничего предосудительного. Но то, с какой силой его прижали и подчинили себе, оставило мерзкий осадок. Цинь Шо осторожно коснулся пальцами губы — ранка отозвалась резкой болью.

— Вечно ты так... — недовольно пробурчал он под нос. — Если хочешь поцеловать, целуй нормально. Зачем кусаться?..

Слова сорвались с языка сами собой, неосознанно. И в то же мгновение в сознание хлынул поток чужих, пугающих воспоминаний. Перед глазами замелькали обрывки сцен: его, безвольного и беспомощного, раз за разом зажимают в темных углах, грубо впиваясь в губы. То же тщетное сопротивление, та же унижительная боль...

Цинь Шо передернуло. Когда он снова поднял глаза и встретился взглядом с Сун Ваньчэнем, внутри у него зашевелился липкий, необъяснимый страх.

Сейчас Сун Ваньчэнь смотрел на него точно так же, как тот человек из его пугающих видений. Этот взгляд не принадлежал любящему жениху — так хищник смотрит на загнанную в угол добычу.

Заметив, как Цинь Шо отшатнулся, Сун Ваньчэнь поспешно напустил на себя миролюбивый вид. Однако его взор продолжал жадно скользить по разбитой губе юноши. То ли оправдываясь, то ли пытаясь загладить вину, он тихо произнес:

— Я не хотел сделать тебе больно... Но пойми и меня. Нашу свадьбу откладывают раз за разом, мы до сих пор не вернулись в орден, а о двойном совершенствовании и говорить нечего. Если мне нельзя даже коснуться тебя, это уже слишком жестоко...

Цинь Шо в смятении опустил голову. Слова спутника казались логичными, но интуиция кричала о подвохе. Впрочем, возразить ему аргументированно он не мог.

— Двойное совершенствование... — пробормотал он, подбирая слова. — Об этом мы поговорим только после ритуала единения душ. Сближаться до того, как мы свяжем себя клятвами... неправильно это.

Сун Ваньчэнь на эти слова лишь снисходительно усмехнулся. Он крепко, но аккуратно перехватил Цинь Шо за предплечье и вкрадчиво возразил:

— Что же в этом плохого? Ритуал — не более чем пустая условность. В нашем ордене полно тех, кто сначала делит ложе, а уже потом совершает обряд. Помнится, когда-то ты сам предлагал завершить наше слияние до того, как мы предстанем перед главой ордена Даохуа, чтобы у него не осталось выбора, кроме как благословить наш союз. Жаль, нам тогда помешали... Если бы всё прошло гладко, мы оба давно бы совершили прорыв и поднялись на новую ступень.

Слова Сун Ваньчэня отозвались в сознании яркой, удушливой вспышкой. Перед глазами возникло воспоминание — столь откровенное, что у Цинь Шо перехватило дыхание. Он увидел самого себя: как он, сгорая от стыда, но отчаянно желая угодить возлюбленному, медленно, деталь за деталью, сбрасывает одежды.

«Ваньчэнь... когда мы завершим двойное совершенствование, ты ведь свяжешь себя со мной союзом?»

На его лице в тот момент читалась слепая покорность.

Эти знакомые слова всколыхнули в глубине души смутную, щемящую горечь. Однако то, что последовало за ними в его видении, оказалось далеким от прекрасной сказки.

Если бы не внезапный, резкий стук в дверь, оборвавший ту сцену, его мучительные, захлебывающиеся крики боли продолжались бы еще очень долго.

Видение растаяло, но Цинь Шо продолжало бить крупной дрожью. В этих обрывках памяти Сун Ваньчэнь представал совершенно иным — безжалостным палачом, а не заботливым спутником. Пытаясь сохранить остатки самообладания, Цинь Шо попятился, разрывая дистанцию, и торопливо сменил тему:

— Уже поздно. Давай сначала найдем ночлег.

— Хорошо, — не стал спорить Сун Ваньчэнь.

На этот раз он не стал настаивать и молча пошел следом. Цинь Шо спиной чувствовал его тяжелый, липкий взгляд, но упорно делал вид, будто ничего не замечает. Напряженные пальцы крепче сжали рукоять Меча Сокровенного Света, пока юноша медленно шагал вперед по залитой лунным светом мостовой.

Он никогда прежде не бывал в посёлке Учжэнь. Ему казалось, что это место окажется куда более оживленным, однако реальность встретила их зловещим контрастом: несмотря на зажженные повсюду фонари, широкая улица была абсолютно пуста. Вокруг царила мертвая, неестественная тишина, нарушаемая лишь завыванием ветра.

Шедший позади Сун Ваньчэнь ничуть не удивился этому запустению. Спокойным тоном он принялся объяснять:

— Когда-то посёлок Учжэнь процветал благодаря здешней духовной жиле. В те времена духовные ресурсы еще не были столь дефицитны и великие ордены не успели прибрать их к рукам. Сюда стекались толпы заклинателей, и город гремел на всю округу. Но затем жилу уничтожили, источники иссякли, и все практики покинули эти места. Здесь остались только простые смертные.

— Надо же, ближайшее к миру заклинателей поселение — и в таком упадке... — тихо вздохнул Цинь Шо.

Толстый слой пыли на покосившихся вывесках лавок говорил сам за себя: запустение царило здесь уже очень давно. Вероятно, после гибели духовной жилы большинство жителей просто снялись с мест и уехали в поисках лучшей доли. У Цинь Шо даже закралось сомнение, сумеют ли они вообще найти работающий постоянный двор.

Стоило ему об этом подумать, как из темного переулочка неподалеку донеслось жалобное кошачье мяуканье. Цинь Шо замер, вглядываясь в непроглядную темень подворотни. Вдруг оттуда, тихо шурша по дорожной пыли, выкатился сплетенный из сухих прутьев шарик и замер прямо у его ног.

Юноша наклонился, чтобы поднять игрушку. Но прежде чем его пальцы коснулись лозы, из вязкой темноты переулочка донесся едва слышный, робкий детский голосок:

— Братец...

Цинь Шо застыл в замешательстве, намереваясь вернуть находку ребенку, но в этот момент на его плечо легла тяжелая ладонь Сун Ваньчэня. Склонившись к самому уху, тот негромко, но властно скомандовал:

— Брось это.

Цинь Шо разжал пальцы. Плетеный шарик с негромким стуком покатился обратно в темноту, подгоняемый ветром. В глубине переулка на мгновение промелькнул неясный силуэт и тут же бесследно растаял в ночи.

Они двинулись дальше. Стоило им свернуть на соседнюю улицу, как картина разительно изменилась: впереди замаячили людские фигуры — в основном торговцы, спешащие по своим делам, и зазывалы у лавок. У дверей видневшегося в отдалении постоянного двора суетился расторопный слуга, приглашая прохожих зайти на огонек. После мертвенного безмолвия предыдущего квартала эта часть городка казалась по-настоящему живой.

— На той улице, что мы прошли, не было ни одной живой души.

Сун Ваньчэнь произнес это лишь тогда, когда они переступили порог постоянного двора. На его лице не дрогнул ни один мускул, лишь уголки глаз чуть приподнялись, когда он украдкой взглянул на Цинь Шо, проверяя его реакцию.

— И это еще пустяки. Когда я в прошлый раз охотился здесь на нечисть, мне доводилось видеть куда более жуткие вещи.

Хотя за время обучения в Павильоне Книжных Хранилищ Цинь Шо успел прочесть о самых разных тварях, от слов спутника у него по спине все равно пробежал холодок. Не желая продолжать этот разговор, он отмахнулся:

— Довольно... Нам нужно переждать здесь всего одну ночь. Давай сначала устроимся на ночлег.

Постояльцев внутри оказалось немного — пара-тройка случайных путников. Трактирный слуга за конторкой, увидев новых гостей, мгновенно подбежал к ним с услужливой улыбкой:

— Добро пожаловать, господа! Желаете отобедать или останетесь на ночь?

— Нам нужно переночевать. Есть свободные комнаты получше?

Подойдя к стойке, Цинь Шо узнал, что свободны как раз две лучшие комнаты. Он выложил на деревянную столешницу серебро:

— Берем обе.

Однако Сун Ваньчэнь тут же вмешался, остановив его руку:

— Одной комнаты будет достаточно. Только принесите дополнительное одеяло.

Цинь Шо вспыхнул и уже открыл рот, чтобы возразить, но в его сознании раздался тихий ментальный голос спутника:

* «Мы здесь впервые. Можешь ли ты гарантировать, что этот постоянный двор безопасен?»*

Вспомнив странный плетеный шарик и пустую соседнюю улицу, Цинь Шо проглотил возражения. Поколебавшись, он повернулся к слуге:

— Хорошо. Одну комнату. И не забудьте про второе одеяло.

Стоило двери за ними закрыться, как висевшая между ними неловкость сгустилась до предела. В тесном замкнутом пространстве даже мимолетный взгляд казался слишком откровенным. Едва Сун Ваньчэнь сделал шаг в его сторону, как Цинь Шо поспешно отвел глаза. Он подошел к постели, стянул с нее одно из одеял и принялся торопливо расстилать его прямо на полу.

— Кровать слишком узкая, — пробормотал он, не поднимая головы. — Ложись там, а я устроюсь на полу.

— Зачем эти сложности? — спросил Сун Ваньчэнь.

Он перехватил его запястье, заставляя отпустить ткань. Его взгляд казался на удивление серьезным:

— Раньше, когда ты приходил ко мне на Пик Вечной Разлуки, мы всегда спали на одной постели. Разве нет?

Противостоять его силе Цинь Шо не мог — хватка была железной. Юноше оставалось лишь взять себя в руки и процедить сквозь зубы:

— То было в детстве. Мы уже выросли.

— Но наш уговор в силе, — вкрадчиво возразил Сун Ваньчэнь. Он бесцеремонно вклинился коленом между его бедер, лишая возможности отступить, и плавно прижал его спиной к стене. Каждое его движение дышало непреклонной силой. — Или ты собираешься бегать от меня всю оставшуюся жизнь?

Эти слова, произнесенные тем же вкрадчивым тоном, сорвали замки с еще одной запертой двери в его памяти. В сознание лавиной хлынули новые образы. И то, что он увидел на этот раз, оказалось во сто крат ужаснее прежних видений.

Он словно наяву очутился в полумраке чужой комнаты на Пике Вечной Разлуки. Его глаза были завязаны плотной белой лентой. Ничего не подозревая, он счастливо улыбался и предвкушал приятный сюрприз.

«Ваньчэнь, ну что ты там задумал? Что за секреты?»

Затем послышался скрип открывающейся двери. Кто-то бесшумно скользнул внутрь и обнял его со спины, увлекая в объятия. Но стоило чужим, непривычно горячим губам коснуться его рта, как Цинь Шо почувствовал неладное. Он попытался отстраниться, но не успел: входная дверь с оглушительным треском распахнулась от сильного удара ноги.

Повязку с его глаз сорвали грубым движением. Проморгавшись, Цинь Шо с ужасом обнаружил, что в его постели рядом с ним сидит вовсе не жених, а младший соученик — Бай Юй.

Взгляд его метнулся к порогу, и в ту же секунду кровь застыла в его жилах.

В дверном проеме, залитый ярким дневным светом, стоял настоящий Сун Ваньчэнь. На его лице застыла маска безграничного, ледяного презрения. Окинув их взглядом, он произнес слова, которые выжгли глубокий след в самой душе Цинь Шо:

— Цинь Шо, ты мне просто отвратителен.

<http://bllate.org/book/20094/1998517>